

Великая российская революция и независимость Финляндии: размышления по поводу двух 100-летних юбилеев

Сергей Журавлёв

The Great Russian Revolution and Finnish Independence: Reflections on an Occasion of Two Centenary Anniversaries

Sergey Zhuravlev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В современной отечественной историографии всё большее распространение получает трактовка революционной эпохи как единой Великой российской революции, которая прошла в своём развитии ряд ключевых этапов. Началом послужили февральские дни 1917 г., заметный резонанс имели волнения в Петрограде в начале июля, подавление вооружённого выступления генерала Л.Г. Корнилова, большевистский переворот осенью, разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. Непосредственным следствием революции стало вступление страны в активную фазу Гражданской войны, продолжавшейся с весны—лета 1918 г. до рубежа 1921—1922 гг.

Применительно к разным регионам распадавшейся Российской империи в хронологии революции и её «точках бифуркации» были свои отличия. В полной мере это относится к такой особой территории империи, как Великое княжество Финляндское. На мой взгляд, указанный выше подход даёт важное смещение центра тяжести в сторону исследования динамики революционных процессов, что тут же обнажает вопрос о причинно-следственных связях и последствиях тех или иных исторических событий, их воздействия на ситуацию в Петрограде и на периферии.

Всё это заставляет обозреть под иным ракурсом, казалось бы, уже известные проблемы, по-иному — в более длительной перспективе — осмыслить роль ключевых деятелей революционной эпохи: почему одни личности сходили с исторической арены, и волна революции возносила на свой гребень других; как и почему трансформировались взгляды политических лидеров, каким образом они влияли на менявшуюся революционную ситуацию, а преобразование политической обстановки, в свою очередь, влияло на смену их воззрений и т.д. Это относилось не только к А.Ф. Керенскому, В.И. Ленину, И.В. Сталину, но и к финским лидерам — О.В. Куусинену, О. Токою, П.Э. Свинхувуду, К.Г. Маннергейму. Более рельефно проступает и тема исторических альтернатив в 1917—1921 гг. Вопрос «что было бы, если бы...?» — из разряда вечно дискуссионных и интригующих, тем не менее очень полезен для осмысления событий революционной эпохи.

Указанный выше подход позволяет показать обретение Финляндией независимости как сложный, динамичный процесс; выявить интересы и роль различных социальных и политических сил в финском и российском обществах на

разных этапах революции; показать позицию властных структур Финляндии, Временного правительства, Петросовета, большевиков и др.

Не мешало бы определиться и с хронологией. По большому счёту, началом тернистого пути Финляндии к суверенитету стало отречение от престола (2 марта 1917 г.) Николая II, носившего титул великого князя Финляндского. Это с новой силой всколыхнуло в финляндском обществе надежды и стремление к национальной независимости и одновременно породило так и не разрешённые при Временном правительстве юридические коллизии относительно статуса бывшего Великого княжества в составе России в условиях продолжавшейся революции (неопределённость этого статуса оказалась вопиющей особенно после объявления страны республикой 1 сентября 1917 г.: Временное правительство, как при царе, «назначило» в Финляндию русского генерал-губернатора).

В финляндской историографии есть мнение, что уже к осени 1917 г., т.е. до совершённого большевиками переворота в Петрограде и тем более до их формального признания суверенитета Финляндии, она стала *de facto* самостоятельным от России государством, и требовалось лишь «технически» — *de jure* — зафиксировать его независимость.

Но вряд ли дело обстояло столь просто и однозначно. Буквально накануне большевистского переворота (конец октября 1917 г.) представителям Временного правительства (Особая комиссия Юридического совещания) и финляндского парламента (Конституционный комитет К.Ю. Стольберга) после нескольких месяцев напряжённой работы удалось в основном согласовать два ключевых законопроекта — о форме правления в Финляндии и о правовых российско-финляндских отношениях. О. Юссилла, специально исследовавший эти документы, дал им высокую оценку, заключив, что они «представляют собой определённую завершающую точку в... процессе развития финляндской государственности»¹.

Действительно, законопроекты предусматривали самостоятельность финнов во внутренних делах, однако оставляли за Россией право принятия решений во внешней политике и по военным вопросам, с учётом чего независимость, конечно, не могла считаться полной и безусловной. Идти дальше этой «красной линии» Временное правительство категорически не соглашалось. Кроме того, «дьявол» скрывался в деталях. Анализ данных текстов и воспоминаний участников переговоров с обеих сторон показывает обилие формулировок, допускающих недомолвки, противоречия и двойное толкование, а также наличие споров по поводу трактовки норм со стороны российских и финляндских юристов уже на этапе согласования. К примеру, в тексте законопроектов прямо не оговаривалось, что Финляндия является отдельным от России — самостоятельным — государством. Однако из содержания статей такой вывод можно было сделать (предполагалось, что Финляндия будет иметь собственное законодательство, парламент и правительство). В итоге, как отмечает Юссилла, ссылаясь на участников смешанной комиссии, «русские понимали внутреннюю независимость Финляндии иначе, чем финны»². Всё это заставляет задуматься о жизнеспособности указанных законопроектов в случае их принятия и введения в действие. Более того, в конкретных условиях 1917 г. заложенные в них противоречия могли «сдетонировать» и стать дополнительным источником для конфликтов между Россией и Финляндией. Но в любом случае Временное правительство не успело рассмотреть оставшиеся на бумаге законопроекты.

¹ Юссилла О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917. Хельсинки, 2004. С. 752.

² Там же. С. 764–768.

Судьбоносным для становления независимой Финляндии и, как никогда ранее, насыщенным альтернативами можно назвать период с осени 1917 г. по осень 1918 г. В январе 1918 г. финляндские революционеры, вдохновлённые примером российских большевиков, рассчитывая на обещанную ими поддержку (в итоге серьёзная помощь из России так и не пришла), попытались совершить переворот. Большевики признали революционное правительство Финляндии и 1 марта 1918 г. заключили с ним договор. И здесь тоже видна тесная связь с событиями Великой российской революции. Итогом восстания стали кровопролитная гражданская война в Финляндии, рост русофобских настроений и поворот в сторону Германии как защитницы от казавшейся неминуемой экспансии со стороны большевистской России.

Именно на этом фоне произошёл добровольный отказ финляндского руководства от, казалось бы, столь долгожданной и выстраданной независимости. Бывшее Великое княжество перешло под германскую корону (при регентстве Свинхувуда, позже Маннергейма). Трудно сказать, чем бы всё закончилось для временно утратившей суверенитет страны, если бы снова не революция, на сей раз германская (ноябрь 1918 г.), приведшая к краху Германской империи, окончанию Первой мировой войны и, как следствие, к освобождению Финляндии от данных ею обязательств. Однако ноябрьские события в Германии — в той или иной мере тоже результат воздействия Великой российской революции.

Осенью 1919 г., в разгар Гражданской войны в России, произошёл ещё один знаковый эпизод в нашей общей с Финляндией истории, в ходе которого тема независимости сыграла немаловажную роль. Когда армия генерала Н.Н. Юденича начала наступление из Эстонии на Петроград и уже достигла предместья революционной столицы — Гатчины, Юденич обратился за военной поддержкой к белофиннам. Однако их командующий генерал Маннергейм запросил соответствующее разрешение у своего президента — Стольберга, но тот, будучи осторожным и опытным политиком, ответил отказом. Значит, на определённом этапе финляндское руководство предпочло сосуществование своего государства — в качестве суверенного — с Советской Россией вместо того, чтобы поддержать лидеров Белого движения. Бесспорно, что те в случае победы в Гражданской войне в России захотели бы вернуть Финляндию обратно в лоно империи. Можно только предположить, что бы случилось, если бы белые генералы повели себя более расчётливо и, подобно большевикам, хотя бы из тактических соображений заявили тогда о признании финляндской независимости. Окончательно же процесс обретения последней завершился, на мой взгляд, закреплением международно-правового статуса Финляндии и демаркацией границ по Тартускому мирному договору, заключённому с РСФСР осенью 1920 г.

Но вернёмся к подходу, предусматривающему рассмотрение революционной эпохи в динамике. Он демонстрирует тесную связь и взаимную зависимость событий российской и финляндской истории в 1917–1920 гг. Так, вне российского контекста невозможно изучение революционных событий, происходивших в то время в Финляндии. И, наоборот, мы порой недоучитываем их роль — особенно в 1917–1918 гг., окрашенных идеями национальной независимости (тема соотношения социального и национального факторов, определения границы между национализмом и демократическим национальным движением на разных этапах финской революционной эпохи, по большому счёту, ещё ждёт своего

исследователя³) — для общего хода Великой российской революции. Они не просто были важнейшей частью общероссийского революционного процесса, но нередко оказывали на него весьма заметное влияние⁴. На это в своё время справедливо обратил внимание Э. Кетола⁵.

К сожалению, в советской/российской историографии данная проблема практически не отражена. Хотя вследствие реализации издательских проектов последних десятилетий и была получена более детальная картина революционной эпохи на пространстве бывшей Российской империи и исследован «германский след» в событиях 1917–1918 гг.⁶, по-прежнему актуальным остаётся качественно новое изучение данной темы, предпочтительно в рамках совместного российско-финляндского проекта. Конечно, на пути выработки единых трактовок будет немало трудностей. Например, с точки зрения российской истории принятые в начале июля 1917 г. финляндским парламентом решения — сепаратизм и попытка государственного переворота, с позиции обретения национального суверенитета Финляндии — важное событие революционного характера, вселившее в местную политическую элиту дополнительную уверенность в реальности достижения независимости.

Отмечу, что осуществление данной цели — не единомоментный акт, а процесс, поэтому необходимо кратко охарактеризовать его «критические точки». Оттолкнуться стоит от принципиальной констатации того факта, что без Великой российской революции могло не быть и государственной независимости Финляндии. По этому поводу один из ведущих специалистов по русской истории профессор Т. Вихавайнен в довольно категоричной форме отметил: согласно имевшимся до 1917 г. тенденциям «второго периода угнетения» в рамках Российской империи (термин традиционной финской историографии) «унификация Великого княжества Финляндского и полная ассимиляция финнов были абсолютно реалистичным и единственно возможным сценарием»⁷.

Можно, конечно, поспорить относительно последнего утверждения. На мой взгляд, к 1917 г. российская власть всё же менялась вместе с демократизирующимся обществом. Однако о первостепенной роли Великой российской революции для судеб финской нации и финляндской государственности, думаю, спорить сложно. Но этот вопрос до сих пор неоднозначно воспринимается в Финляндии. К сожалению, здесь не обходится без влияния текущей политики: чем более негативный образ России формируется, тем меньше желания вспоминать об общем прошлом и отдавать должное русским в решении проблемы, связанной с обретением независимости бывшего Великого княжества.

³ См., например: *Новикова И.Н.* От лояльности к сепаратизму: образ Финляндии в общественном мнении России // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 335–352.

⁴ Влияние революционных событий в России на Финляндию в той или иной мере уже рассматривалось в историографии, особенно активно в период холодной войны; см., например: *Smith C.J.* Finland and the Russian Revolution. 1917–1922. Athens, 1958; *Upton A.* The Finnish Revolution, 1917–1918. Minneapolis, 1980. К сожалению, остаётся известным лишь в извлечениях не переведённый с финского языка труд Т. Полвинена, выдержавший около 20 изданий (*Полвинен Т.* Российская революция и Финляндия. 1917–1920. Т. 1–2. Хельсинки, 1967–1971).

⁵ См.: *Кетола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6.

⁶ См., например: *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

⁷ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000. С. 40.

Тем не менее никто не отрицает, что именно революционные события конца февраля 1917 г. в Петрограде положили конец «второму периоду угнетения» в рамках империи⁸. Отречение Николая II от престола поставило во главу угла вопрос о юридическом статусе Финляндии в составе демократической России. Сомнения финляндского парламента в легитимности Временного правительства были отброшены сразу после того, как 7 марта оно выпустило Манифест о Финляндии, которым, к радости финнов, отменило все ограничения и вернуло прежние конституционные права автономии. Часть финляндских политиков начали тут же обсуждать вопрос о расширении независимости с перспективой окончательного «перерезания пуповины», связывающей с Россией. Между тем в том же месяце главой финляндского парламента стал назначенный Временным правительством генерал-губернатор Финляндии М.А. Стахович, который пламенными революционными речами принялся подливать масла в огонь. Его заместитель в Сенате, финский социал-демократ Токой в своей ставшей впоследствии знаменитой «речи о независимости» (которая постепенно превращалась в национальную идею) связывал её достижение с реализацией права наций на самоопределение.

Парадокс ситуации заключался в том, что носителем верховной власти в Финляндии после Февраля 1917 г. стало революционное Временное правительство, в полной мере унаследовавшее в отношении финнов полномочия и даже отчасти атрибуты свергнутого революцией царя. Вместе с тем стремившаяся к независимости Финляндия на деле всё больше становилась важной частью общероссийского революционного процесса.

В течение 1917 г. в финляндской политике преобладал прагматизм, нацеленный на максимальное использование ситуации в России в условиях продолжавшейся революции (ослабление центральной власти, рост центробежных тенденций, усиление политического кризиса, углубление противоречий между Временным правительством и Советами и др.) для расширения и закрепления прав автономии. При этом финляндские социал-демократы делали ставку на большевиков с их обещаниями осуществления права нации на самоопределение, а местные либералы — на Временное правительство, склонное к торгу с ограниченными уступками.

Революция создала уникальную ситуацию двоевластия: «журавля в небе» и «синицы в руках». Как показали дальнейшие события, тактика работы сразу с двумя основными лагерями российской революции оказалась беспроигрышной. Большевики задолго до прихода к власти были связаны обязательствами перед финскими товарищами социал-демократами, а Временное правительство в течение весны—осени 1917 г., утрачивая рычаги власти, шло на всё новые

⁸ При том, что тенденции унификации в рамках Российской империи действительно нарастали, что болезненно воспринималось финляндскими политиками, не стоит забывать: в Великом княжестве Финляндском оставались сильными демократические традиции. В 1907 г. здесь впервые в мире было введено всеобщее равное избирательное право, распространявшееся и на женщин. С другой стороны, в начале XX в. России приходилось считаться с усилением финляндского сепаратизма. Дело дошло до того, что на Всемирной выставке в Париже 1900 г. Великое княжество Финляндское настаивало на отдельном от России павильоне, а при открытии Олимпийских игр 1912 г. в Стокгольме финляндская спортивная делегация маршировала вслед за российской под собственной табличкой «Финляндия». По этому поводу Юссилла отмечает: «Финляндия всеми средствами и в любой возможной связи стремилась отмежеваться от империи как особое, отдельное государство» (Юссилла О. Великое княжество Финляндское... С. 19).

уступки, соглашаясь на расширение прав финляндской автономии в обмен на лояльность.

Серьёзная зависимость политических действий от ситуации в России особенно хорошо видна на примере июльских событий 1917 г. Финляндский парламент, получив оказавшуюся ложной информацию о том, что итогом беспорядков в Петрограде стало свержение Временного правительства, поторопился принять 5 июля «Закон о власти». Когда вступивший в должность 8 июля новый глава Временного правительства Керенский отклонил этот закон и распустил финляндский парламент, депутаты осмелились не подчиниться такому решению. Обращает на себя внимание мягкая реакция Временного правительства на эту попытку, по сути, государственного переворота: при желании в условиях действия в стране законов военного времени, учитывая, что финляндские егеря сражались на фронтах Первой мировой на стороне врага, для Финляндии всё могло закончиться иначе.

Отмечу и то, что ключевыми переговорщиками с финляндскими политиками на разных этапах российской революции выступали её первые лица — Керенский, Ленин, Сталин и др. Неравнодушное отношение революционеров к Финляндии (считали её «вторым домом») объяснялось тем, что некоторые из них (как Керенский) имели там дачи, а также скрывались от преследований полиции, пользуясь особым статусом княжества.

История Финляндии 1917 г. неотделима от истории Великой российской революции. Территория княжества, и особенно Гельсингфорс и другие крупные города со значительным трудовым населением и с гарнизонами «распропагандированных» солдат и матросов, уже с весны были охвачены революционными выступлениями в поддержку событий в Петрограде. К лету 1917 г. Гельсингфорс превратился в важнейший форпост Великой российской революции, и на его помощь особенно рассчитывали готовившие восстание петроградские большевики.

Аналогично ряду других регионов России (например, Луганску), уже к лету 1917 г. Временное правительство фактически утратило контроль над ситуацией в бывшем Великом княжестве. 20 сентября русский Комитет Советов депутатов армии, флота и рабочих Финляндии во главе с большевиком И. Смилгой объявил не действующими не одобренные им распоряжения Временного правительства. По мнению Кеттола, это означало свершение в Гельсингфорсе бескровной революции ещё до большевистской — в Петрограде, на основании чего следовало бы поставить Финляндию, пусть и на короткое время, в авангард российской революции и, соответственно, переписать учебники истории. Не без влияния революционной эйфории в Гельсингфорсе 24 сентября 1917 г. Ленин отправился отсюда в Петроград для осуществления большевистского восстания, считает Кеттола⁹.

Ни при царе, ни в условиях революции 1917 г. (февраль—октябрь) вопрос о полном отделении Финляндии от России финляндскими лидерами официально не ставился. Ситуация изменилась лишь после большевистского переворота в Петрограде. 2 ноября большевики опубликовали Декларацию прав народов России, провозгласившую право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования ими независимых государств. В Финляндии в тот момент ожидалось начало революции, которой предшествовала всеобщая октябрьская стачка в поддержку совершённого большевиками переворота в столице. Однако

⁹ См.: Кеттола Э. Революция 1917 года...

в решающий момент, в середине ноября, финляндские социал-демократы не решились на захват власти. Не помогли даже призывы наркома национальностей Сталина, специально делегированного из революционного Петрограда в революционный Гельсингфорс и выступившего 14 ноября перед делегатами Чрезвычайного съезда СДПФ: «До нас дошли сведения, что ваша страна переживает приблизительно такой же кризис власти, какой Россия переживала накануне Октябрьской революции... В атмосфере войны и разрухи, в атмосфере разгорающегося революционного движения на Западе и нарастающих побед рабочей революции в России нет таких опасностей и затруднений, которые могли бы устоять против вашего натиска... И если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам её, братски протягивая вам руку. В этом вы можете быть уверены»¹⁰. Но как показали дальнейшие события, вскоре Петрограду было уже не до обещаний помощи финляндским товарищам.

28 ноября 1917 г., опасаясь повторения революции при поддержке русских большевиков, но одновременно действуя, по сути, по тем же революционным лекалам и имея мощную поддержку в виде наступающих в глубь российской территории германских штыков, финляндский парламент явочным порядком объявил себя верховной властью в бывшем Великом княжестве Финляндском. 6 декабря 100 голосами против 88 (что отражало колебания части депутатов в правомерности этих действий) была принята Декларация о независимости Финляндии (ныне этот день является национальным праздником — Днём независимости). Никакого согласования декларации со считавшимся нелегитимным большевистским правительством не предусматривалось. Содержавшееся в ней обращение финляндского парламента к властям иностранных государств о признании суверенитета было адресовано не Совнаркому, а российскому Учредительному собранию, которое должно было начать работу в январе 1918 г.

Однако в середине декабря 1917 г. финляндские лидеры вынуждены были признать власть большевиков, посетив Петроград и обратившись к ним с официальной просьбой о предоставлении независимости. Это произошло по настоянию Германии, которой для подписания сепаратных договоров в Брест-Литовске (вслед за «похабным» договором с Советской Россией 7 марта 1918 г. Германия заключила отдельное соглашение со ставшей независимой Финляндией, секретная часть которого предусматривала ввод туда германских войск) нужно было взаимное признание Финляндии и Советской России. В результате Совнарком принял исторический декрет — о признании финляндской независимости, утверждение которого ВЦИК (22 декабря 1917 г.) и III Всероссийским съездом Советов (15 января 1918 г.) в значительной мере стало уже формальностью. По этому поводу Вихавайнен писал: «Отделение от России было прямым результатом большевистской революции и одновременно — бегством с тонущего корабля Российской империи»¹¹. Вслед за Советской Россией независимость Финляндии признали Швеция и Германия.

Большевики рассчитывали на то, что, получив из их рук долгожданную независимость, благодарные финны последуют их революционному примеру. Одновременно лидеры Советского государства активно использовали пример предоставления независимости Финляндии для пропаганды своей национальной политики внутри страны и за рубежом. 25 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, где

¹⁰ Правда. 1917. 15 декабря.

¹¹ Вихавайнен Т. Сталин и финны. С. 45.

специально отмечалось: «III съезд Советов приветствует политику Совета народных комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии». Эта же фраза была целиком перенесена в Конституцию РСФСР, принятую 10 июля 1918 г. Однако к тому времени стало уже известно, что поднятая красными финнами революция потерпела поражение.

Вскоре выяснилось, что обретение собственной независимости вовсе не означает готовности предоставить таковую другим. Так случилось с Аландскими островами. Когда под влиянием событий 1917 г. проживавшее здесь шведскоязычное большинство высказалось за присоединение к Швеции, правительство Финляндии не допустило этого, а активисты оказались в тюрьме по обвинению в государственной измене.

В заключение отмечу, что в 1917–1920 гг. Финляндия переживала крайне сложный, противоречивый и трагический период своей истории, совпавший по времени с не менее драматичным периодом войн и революций в России. Процесс обретения финнами независимости был поэтапным и занял не один год. Главным фактором этого процесса стало растущее стремление нации к формированию суверенного государства как гаранта сохранения национальной культуры, языка и др. Однако эту цель не удалось бы реализовать без Великой российской революции, создавшей решающие условия для обретения финляндской независимости.